

RU

Черты классической греческой трагедии в пьесе Э. Олби «Коза, или Кто такая Сильвия»

Сметанина Н. А.

Аннотация. Статья посвящена изучению черт классической древнегреческой трагедии в пьесе Эдварда Олби, получившей престижную премию Тони, «Коза, или Кто такая Сильвия». Несмотря на эпатажный сюжет и сугубо авангардистские стилистические приёмы, пьеса обладает рядом характеристик, свойственных классической трагедии. Цель исследования - найти и охарактеризовать черты древнегреческой трагедии в пьесе американского драматурга Э. Олби «Коза, или Кто такая Сильвия». В статье акцентируется внимание на связи поэтики драматурга с принципами построения трагедии Аристотеля. Также обращается внимание на развитие темы одиночества и неприятия обществом, являющейся лейтмотивом всего творчества драматурга. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению пьесы «Коза, или Кто такая Сильвия» именно с точки зрения её связи с классической древнегреческой драматургией; тем жертвоприношения и родства, являющихся основополагающими в древнегреческой трагедии. В результате в пьесе «Коза, или Кто такая Сильвия» выявлены черты, связывающие пьесу с классической древнегреческой трагедией, обнаружено влияние «Поэтики» Аристотеля на пьесу представителя американского театра абсурда Э. Олби, а также проанализировано то, как развиваются темы жертвоприношения и родства в пьесе американского драматурга.

EN

Features of the Classical Greek Tragedy in the Play “The Goat, or Who is Sylvia” by E. Albee

Smetanina N. A.

Abstract. The article is devoted to studying the features of the classical ancient Greek tragedy in the play “The Goat, or Who is Sylvia” by Edward Albee, which received the prestigious Tony Award. Despite the outrageous plot and purely avant-garde stylistic devices, the play has a number of characteristics typical of a classic tragedy. The aim of the study is to find and characterize the features of the ancient Greek tragedy in the play “The Goat, or Who is Sylvia” by the American playwright E. Albee. The article focuses on the connection between the poetics of the dramaturg and the principles of Aristotle’s tragedy composition. Attention is also drawn to the development of the theme of loneliness and rejection by society, which is the leitmotif of playwright’s creative work. The scientific novelty of the work lies in the approach to the study of the play “The Goat, or Who is Sylvia” precisely from the point of view of its connection with classical ancient Greek dramaturgy; themes of sacrifice and kinship, which are fundamental in the ancient Greek tragedy. As a result, the play “The Goat, or Who is Sylvia” reveals the features that connect the play with the classical ancient Greek tragedy, the influence of Aristotle’s “Poetics” on the play by the representative of the American theatre of the absurd E. Albee; and shows how the themes of sacrifice and kinship develop in the play by the American playwright.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена значительным влиянием творчества Э. Олби на современную американскую и западноевропейскую драматургию, повышенным вниманием исследователей к его творческому методу. Характерной особенностью творчества Э. Олби является обращение ко всему пласту западноевропейской драматургии и древнегреческой трагедии в частности. Через сугубо абсурдистские стилистические приёмы и средства выразительности Э. Олби обращается к вечным темам, волновавшим драматургов на протяжении более двух тысяч лет.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить связь пьесы «Коза, или Кто такая Сильвия» с древнегреческой трагедией; во-вторых, установить влияние «Поэтики» Аристотеля на пьесу; в-третьих, проанализировать развитие тем и мотивов в пьесе Э. Олби, присущих древнегреческой трагедии.

Для осмысления многочисленных аллюзий на классическую драматургию, воплощённых в поздней пьесе Э. Олби «Коза, или Кто такая Сильвия», в статье применяются следующие методы исследования: комплекс методов лексико-семантического и структурно-семантического анализа, а также компаративный метод.

Теоретической базой исследования, наряду с пьесами Э. Олби, послужили публикации отечественных и зарубежных авторов, в которых рассматривается связь драматурга с классической древнегреческой драматургией. Например, Г. Коваленко (2020, с. 324) в своей монографии «Театр Эдварда Олби» демонстрирует, что пьеса Олби развивается вполне по сценарию трагедии Аристотеля. Американский литературовед Тоби Цинман (Zinman, 2008, р. 257), автор монографии, посвящённой творчеству Олби, обнаруживает в «Козе» соединение классической трагедии с сатирой.

Практическая значимость исследования заключается в том, что обращение к классической драматургии, исследуемое в данной статье, может стать основой анализа творчества Э. Олби, зачастую причисляемого к американским абсурдистам, совершенно под другим углом. Полученный результат считаем целесообразным использовать в процессе преподавания зарубежной литературы, а также специальных курсов по американской драматургии на филологических специальностях в вузе.

Основная часть

Эдвард Олби занимал видное положение в американском театре на протяжении почти четырех десятилетий, однако его карьера была довольно противоречивой. Несмотря на множество критических высказываний в его адрес, невозможно не признавать художественную целостность Олби как драматурга. Поздний период творчества драматурга (с 1990 года по 2007) представляет для литературоведов особый интерес как с точки зрения проблематики, так и стилистики. Пьесы, написанные в данный период, отличаются жанровым своеобразием и индивидуальностью. Одним из наиболее успешных и популярных произведений драматурга этого периода является пьеса «Коза, или Кто такая Сильвия» (“The Goat, or Who Is Sylvia”), написанная в 2002 г. и снискавшая одобрение как критиков, так и публики.

Полное название пьесы Олби – «Коза, или Кто такая Сильвия? (Почти трагедия)» (“The Goat, or Who is Sylvia?: Notes Towards a Definition of Tragedy”). Драматург неслучайно использовал подзаголовок: в пьесе «Коза, или Кто такая Сильвия?» действительно отчётливо ощущаются черты греческой трагедии. На первый взгляд, создаётся ощущение, что пьеса Олби о зоофилии и о границах допустимого. Однако для бродвейской постановки Олби добавил очень важный, даже программный подзаголовок “Notes Towards a Definition of Tragedy” (дословный пер. с англ. «заметки к определению трагедии»), переданный на русский язык переводчиком Р. Мархолиа, на наш взгляд, не совсем точно – «Почти трагедия». Добавление подзаголовка является чрезвычайно важным, поскольку проливает свет на центральный образ пьесы – образ козы. Трагедия в переводе с древнегреческого – «козлиная песня» (греч. tragōidia от tragos – козел и ōdē – песнь). Более того, структура пьесы соответствует классической структуре трагедии по Аристотелю.

Аристотель выделяет шесть основных элементов трагедии в порядке убывания их значимости: сюжет, персонажи, язык, идеи, музыка или песни, зрелищность. Под сюжетом подразумевается действие пьесы, состоящее из ритмического рисунка и событий, следующих одно за другим согласно логике причинно-следственной связи (Butcher, 1951, р. 9). В древнегреческой драме персонажи прежде всего нужны для развития сюжета, соответственно все их поступки обусловлены необходимостью сюжета. Персонажи древнегреческих трагедий ограничены в принятии этических и моральных решений не потому что слабы или беспомощны, а потому что сталкиваются с безвыходной ситуацией и способны действовать лишь таким образом, как того требует сюжет. Только во времена Шекспира персонажи приобретают как индивидуальный характер, так и свою предысторию. Ввиду того, что пьесы создавались для того, чтобы быть услышанными, а не просто увиденными, особое внимание уделялось языку и дикции. Трагедии писались возвышенным языком, а основная тема представляла собой некую универсальную истину о человеческом состоянии. Задача трагедии амбивалентна – трагедии могли служить как для обучения, так и для развлечения, хотя основная идея трагедии может казаться неочевидной и проясняться лишь после тщательного изучения и интерпретации. Важным является ещё один атрибут трагедии: в Древней Греции трагедии всегда сопровождалась музыкой (например, флейта и барабаны), хоровым пением; диалоги пелись, а не произносились. Зрелищность как таковая расценивалась Аристотелем как наименее важный элемент, так как она должна служить развитию действия, а не существовать сама по себе в качестве украшения пьесы.

В книге Терри Иглтона (Eagleton, 2002, р. 10) «Сладкое насилие: идея трагического» уделяется особое внимание многочисленным толкованиям термина «трагедия» на протяжении истории: трагедией называли превратности судьбы, катастрофические повороты судьбы в жизни порочного и благородного героя или мстительных богов. Существует множество определений, актуализирующих различные характеристики трагедии, однако все они под трагедией понимают очень грустное произведение, поскольку в основе трагедии лежит невозможная человеческая потеря. По мнению Иглтона (Eagleton, 2002, р. 1), трагедия предполагает повышен-

ную эмоциональность, накал страстей, потому что сам жанр подразумевает наличие чего-то «пугающего... что шокирует и ошеломляет аудиторию». Исследование Иглтона также включает подробный анализ «Поэтики» Аристотеля и того, как в греческих литературных и философских традициях трактуются два важных условия человеческого существования: смерть и родство.

Литературовед, профессор Гарвардского университета С. Беннет (Bennet, 1993, p. 28) в своей книге «Трагическая драма и семья» изучает чувства, которые формируют и движут некоторыми из самых эпических греческих поэм, таких как «Илиада» и «Одиссея» Гомера, где «персонажи живут с постоянным пониманием того, что бессмертие принадлежит богам, а люди должны искать утешения от осознания своей смертности» (p. 14). В классических греческих трагедиях, таких как «Антигона» Софокла или «Агамемнон» Эсхила, акцент смещается с «войны вне семьи» на «войну внутри семьи», а также добавляются темы жертвоприношения и вины. Другими словами, трагедия повествует о конфликте между членами одной семьи – мужем и женой или родителем и ребенком. Итак, тема родства является ключевой в классической греческой трагедии, а ссоры внутри семьи дополняют и уточняют в разных произведениях видоизмененные версии истории одной семьи со множеством сюжетных линий.

Например, из «Илиады» Гомера читатель узнаёт об Ифигении, дочери Агамемнона и Клитемнестры, но отсутствуют подробности о жертве, которую она принесла. Однако в «Агамемноне» Эсхила история жертвоприношения Ифигении занимает центральное место в сюжете. Таким образом, смерть и родство являются неотъемлемой частью концепции трагедии, представленной через семейный конфликт.

Беннет (Bennet, 1993, p. 22) в своей работе отмечает, что в последние годы появился ряд исследований, изучающих взаимосвязь ритуального жертвоприношения и трагедии, а в частности жертвоприношения в семье. В этих обстоятельствах трагический герой может быть определен как единственный персонаж, готовый пожертвовать самым ценным, чтобы спасти и увековечить свой дом или семью. Однако его поведение при этом также рискует разрушить этот самый дом или семью, а агрессия и амбивалентность по отношению к жертве, заложенные в жертве, и идеал, во имя которого приносится жертва, могут привести как к драматическому напряжению и чувству вины, так и к «шаткому равновесию» (p. 25).

Ощущение «неустойчивости» или нестабильности в пьесе можно рассматривать как реакцию публики на жертву, хотя жертва одного члена семьи (или общества) кажется вполне рациональной платой за сохранение всей семьи и установление нового равновесия. Данное включение «шаткого равновесия» в канву пьесы может быть определено как «важная часть трагического знания» (Bennet, 1993, p. 24-25).

Вернёмся к пьесе Э. Олби «Коза, или Кто такая Сильвия». Зритель и читатель может с лёгкостью распознать в пьесе «шаткое равновесие», о котором говорит Беннет, и к которому привела увлечённость Мартина козой. Поэтому сцену убийства козы Стиви можно интерпретировать как жертвоприношение с целью восстановления её достоинства как женщины и жены в разрушенной семье.

MARTIN: (*Crying*) What did she *do*!? What did she ever *do*!? (*To STEVIE*) I ask you: what did she ever *do*!?

STEVIE: (*Pause; quietly*) She loved you... you say. As much as I do. (Albee, 2003, p. 110). /

Мартин: (плачет) Что она сделала?! Что она такого сделала?! (к Стиви) Я спрашиваю тебя: что она такого сделала?!

Стиви: (пауза; тихо) Она любила тебя...ты сам сказал. Также сильно, как я (Олби, 2002, с. 68) (Перевод Р. Мархолия).

Тема смерти раскрывается в пьесе на двух уровнях: физическом и эмоциональном. Во-первых, это фактическое убийство Сильвии Стиви, а во-вторых, крушение брака Мартина со Стиви и его дружбы с Россом.

Тема родства воплощена в отношениях Мартина с другими персонажами пьесы: со Стиви – это отношения мужа и жены, с Россом – отношения друзей, с Билли – как с сыном и, по мнению некоторых критиков, потенциальным любовником, с Сильвией – как с любовницей. Именно «отношения» Мартина с Сильвией, козой, вызывают чувство вины и обуславливают необходимость жертвоприношения, что присуще жанру трагедии. Поэтому убийство козы в финале восстанавливает гармонию, или хотя бы нормальность, а Мартин признаёт, что его действия привели к разрушению семьи и просит прощения. При прочтении пьесы в данном ключе представляется возможным сделать вывод о том, что даже самый несовершенный и сбитый с толку человек заслуживает сострадательного понимания, а «неспособность предложить духовную поддержку является разновидностью зоофилии, гораздо более отвратительной, чем сексуальная» (LeeHorn, 2003, с. 46).

В своей пьесе Олби использует классическое триединство: действия, времени и места. Так, действие происходит в одной локации – в гостиной в доме Мартина и Стиви, между первой и последней сценой проходит менее тридцати шести часов, основной акцент в пьесе на единственном происшествии – связь Мартина с козой, что и приводит к классическому повороту судьбы.

Помимо использования структуры классической древнегреческой трагедии, «Коза» Олби основана на шести основных принципах, обозначенных Аристотелем, что акцентирует в подзаголовке “Notes towards a definition of tragedy”.

Некоторые исследователи, включая Л. Диаса (Diaz, 2007, p. 12), рассматривают Мартина как современную версию Эдипа: подобно Эдипу, он потерял всё – свой статус, положение в обществе, любовь и уважение. Здесь суть не в любовной связи с матерью, как в случае с Эдипом, или козой, как у Мартина. Олби показывает, что суть трагедии – это приход чего-то неприемлемого, невыносимого, что заставляет героя столкнуться с тайной жизни и смерти.

Трагическое настроение царит в пьесе с первых сцен: находясь в состоянии эмоционального смятения, Мартин всерьёз заявляет, что слышит шум не от посудомоечной машины, а поступь Эвменид. Поэтому, когда с выключением машины прекращается и шум, Мартин с облегчением замечает, что это всё же не Эвмениды, так как они бы не остановились. Росс воспринимает комментарий Мартина как шутку, однако образ богинь мщения с факелами и змеями в руках указывает на трагическое развитие событий:

MARTIN: It's probably the Eumenides.

ROSS: More like the dishwasher. There; it stopped.

MARTIN: Then it probably wasn't the Eumenides: they don't stop.

ROSS: (*Agreeing*) They go right on (Albee, 2003, p. 10).

Театральный режиссёр Дэвид Эсборнсон (David Esbjornson), готовя постановку пьесы, намеренно обратился к классическому греческому стилю, чтобы подчеркнуть её принадлежность к жанру трагедии. Режиссёр отмечает, что сценические декорации для пьесы, разработанные декоратором Джоном Арноном (John Arnone), включали колонны для придания обстановке «классического вида, как в греческой трагедии» (Diaz, 2007, p. 27). Литературовед Т. Цинман (Zinman, 2008, p. 148) очень точно замечает, что «в древнегреческой трагедии герой на пике счастья, часто самодовольный своей удачливой жизнью, переживает внезапный поворот судьбы». И в самом деле, как только Мартин признается Россу в своей интрижке, его судьба больше не принадлежит ему. Согласно Аристотелю, затем он должен «упасть с большой высоты», что и делает Мартин: теперь он превратился из отмеченного наградами архитектора в обычного сексуального извращенца (p. 149). В то время как Мартин действует больше как трагический герой, Росс, наоборот, занимает место хора, «представляющего vox populi и приводящего в движение колеса трагедии» (Gainor, 2006, p. 211).

Таким образом, Олби своей пьесой доказывает, что трагедии поднимали и продолжают поднимать чрезвычайно важные поведенческие, этические и моральные вопросы и дилеммы. Современная трагедия не о том, что считать хорошим или плохим, допустимым или неприемлемым, а о возможности высказаться, быть понятым и принятым.

Вновь обратимся к заголовку пьесы. Само наличие слова «коза» в заголовке предполагает обращение к древнегреческой театральной традиции. Любопытно заметить, что в Древней Греции автор, написавший лучшую пьесу, награждался живой козой, которую впоследствии необходимо было принести в жертву богу Дионису.

Интересным является и тот факт, что Диониса обычно сопровождали сатиры – наполовину люди, наполовину козлы. В греческой мифологии сатир обычно ассоциировался с мужским половым влечением, что подтверждается многочисленными скульптурами. Таким образом, образ козла и сексуальное влечение связаны в греческой традиции, отсюда и множество интерпретаций названия пьесы «Коза, или Кто такая Сильвия». Как заголовок, так и подзаголовок пьесы подтверждают обращение Олби к древнегреческой театральной традиции, объясняя основу структуры самой пьесы – современную версию древнегреческой трагедии.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Пьеса Э. Олби «Коза, или Кто такая Сильвия», на первый взгляд кажущаяся сугубо абсурдистской, после внимательного прочтения обнаруживает влияние классической древнегреческой трагедии как с точки зрения построения конфликта, так и его развития. Олби в пьесе «Коза, или кто такая Сильвия», на наш взгляд, продолжает тысячелетние традиции классической греческой трагедии, вписывая её в контекст современной американской драматической традиции. Своей «трагедией» Олби демонстрирует, что принципы Аристотеля не теряют своей актуальности и по сей день и могут служить прочным базисом актуальной и современной пьесы. Олби в «Козе» также, как и древнегреческие трагики, обращается к темам семьи и её краха, грехопадения и несвободы личности в современном социуме.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении творчества драматурга в данном направлении, поскольку в других поздних пьесах Э. Олби присутствуют аллюзии на весь пласт западноевропейской драматургии.

Источники | References

1. Коваленко Г. Театр Эдварда Олби. СПб.: Балтийские сезоны, 2020.
2. Олби Э. Коза, или кто такая Сильвия. 2002. URL: <https://proza.ru/2004/10/10-69>
3. Albee E. *The Goat or, Who is Sylvia?: Notes Toward a Definition of Tragedy*. N. Y.: Overlook, 2003.
4. Bennet S. *Tragic Drama and the Family*. Yale: Yale University Press, 1993.
5. Butcher S. H. *Aristotle's Theory of Poetry and Fine Art*. N. Y.: Dover, 1951.
6. Diaz L. M. F. *The Goat, or Who is Sylvia?: A Performance at Miami University*. Oxford: Miami University, 2007.
7. Eagleton T. *Sweet Violence: The Idea of the Tragic*. Oxford: Blackwell, 2002.
8. Gainor J. E. *Albee's The Goat: Rethinking tragedy for the 21st century* / ed. by S. Bottoms. Cambridge: Cambridge University, 2006.
9. LeeHorn B. *Edward Albee: A Research and Production Sourcebook*. Westport: Praeger, 2003.
10. Zinman T. *Edward Albee*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.

Информация об авторах | Author information

Сметанина Наталья Александровна¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Smetanina Natalia Alexandrovna¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

¹ nataliasmetanina@yahoo.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.08.2022; опубликовано (published): 30.09.2022.

Ключевые слова (keywords): Э. Олби; пьеса «Коза, или Кто такая Сильвия»; трагедия; театр; Аристотель; E. Albee; the play “The Goat, or Who is Sylvia”; tragedy; theatre; Aristotle.